

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО УКЛАДА В КРЕПОСТНОМ ХОЗЯЙСТВЕ РОССИИ *

И. Бак

Генезис капиталистического уклада в феодально-крепостном хозяйстве следует отличать от значительно более раннего процесса зарождения капиталистических отношений. Последние спорадически возникают в период феодализма¹, не оказывая пока существенного воздействия на феодальный строй, на его основу. Капиталистический же уклад представляет собой систему капиталистических отношений, развивающихся в рамках феодально-крепостного строя и его разлагающих.

В этом отношении название статьи проф. Н. Л. Рубинштейна «Крепостное хозяйство и зарождение капиталистических отношений в XVIII в.»² не вполне соответствует её содержанию. В статье вопрос поставлен, по существу, не о зарождении капиталистических отношений, а о генезисе капиталистического уклада, и поэтому Н. Л. Рубинштейн правильно сделал, назвав свою вторую статью (в ответ на статью Е. И. Заозерской) «О мануфактурном периоде русской промышленности и складывании капиталистического уклада в России XVIII века». Такое название более соответствует содержанию обеих статей, в которых проф. Рубинштейн излагает и развивает свою концепцию.

Н. Л. Рубинштейн приходит к выводу, что генезис капиталистического уклада в России следует отнести к 40-м—50-м годам XVIII века. Поэтому вторая половина XVIII в., когда в рамках феодализма же началось развитие капиталистического уклада, отлична от первой половины того же века и в значительной мере приближается к первой половине XIX века.

Давая интересный, содержательный ответ на вопрос о генезисе капиталистического уклада, Н. Л. Рубинштейн всё же не представил достаточного конкретного материала, подтверждающего сделанный им вывод.

Возражая проф. Рубинштейну, Е. И. Заозерская касается лишь того раздела его статьи, в котором даётся характеристика крупной промышленности, или мануфактуры, XVIII века³. Приводя обильный конкретный материал, она приходит к выводу,

что «ничего принципиально нового в этот процесс 40-е—50-е годы не внесли»⁴, — продолжался лишь процесс дальнейшего роста крупной промышленности, без существенных качественных переломов и сдвигов.

Несомненно, каждый исследователь вправе ограничивать задачу и предмет своего труда, и Е. И. Заозерская могла, понятно, сосредоточиться лишь на изучении развития мануфактуры. Но из анализа одной лишь мануфактуры нельзя прийти к выводу о начале развития капиталистического уклада в народном хозяйстве и о характере «процесса экономического развития» в целом, как то пыталась всё же сделать Е. И. Заозерская. Сама мануфактура, в которой господствовало ручное производство, не имела решающего преимущества перед мелкой промышленностью, промыслами. Поэтому мануфактура не была в состоянии ни охватить общественное производство во всём его объёме, ни преобразовать его в самой основе.

Этим объясняется то, что на мануфактурной стадии капитализма в промышленности мануфактура при всём разнообразии её форм базируется на мелком производстве. Мануфактура в мануфактурный период, по образному выражению Маркса, «выделялась как архитектурное украшение на экономическом здании, широким основанием которого было городское ремесло и сельские побочные промыслы»⁵.

Более того: сама капиталистическая мануфактура, как показал Ленин⁶, развиваясь в России при отсутствии или слабом распространении цехового ремесла, имела своим исходным пунктом постепенное подчинение отдельных производителей торговому капиталу, разложение мелких крестьянских промыслов, отрывающихся от патриархального земледелия. Мануфактура получала рабочую силу на основе процесса первоначального накопления, наиболее характерной чертой которого являлся отрыв мелкого производителя от средств производства. Расслоение, происходившее в крестьянстве и отражавшее первоначальное накопление, а затем и рост капиталистических отношений, является глубочайшей основой развития капиталистического уклада⁷.

Вот почему нельзя, ограничившись лишь

* См. ст. ст. Н. Рубинштейна и Е. Заозерской в № 12 журнала «Вопросы истории» за 1947 год.

¹ См. Ленин. Соч. Т. III, стр. 127.

² «Учёные записки» Московского государственного университета. вып. 87. История СССР, стр. 100—125, 1946.

³ Заозерская Е. «Вопросы истории» № 12 за 1947 г., стр. 62.

⁴ Там же, стр. 73.

⁵ К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 350. 1937.

⁶ См. Ленин. Соч. Т. III, стр. 254—264.

⁷ См. там же, стр. 125.

данными о развитии мануфактуры, дать ответ на вопрос о генезисе и путях развития капиталистического уклада в феодально-крепостническом хозяйстве. Тем более, что и анализ развития самой мануфактуры, представленный Е. И. Заозерской, при всей тщательности её работы вызывает серьёзные возражения.

Я попытаюсь дать ответ на поставленный в дискуссии вопрос, начав с мануфактуры, а затем обратившись к развитию сельского хозяйства и расслоению крестьянства. Я остановлюсь и на показателях из сферы обращения, развития классовой борьбы и характеристике отражения этих процессов в общественной идеологии.

I

Е. И. Заозерская полагает, что «в форме капиталистического явления мануфактура возникла на Западе, в этой форме с ней познакомились в России, в этой форме её пытались заводить в XVII и завили в XVIII веке»⁸, а поэтому новые черты, присущие, по мнению Н. Л. Рубинштейна, русской мануфактуре 1740—1750-х годов, «служат продолжением и развитием тех, которые наблюдаются в более раннее время»⁹.

По подсчёту Е. И. Заозерской, в царствование Петра I возникло не менее 200 промышленных предприятий типа мануфактуры. Среди них капиталистические резко преобладали над дворянскими и в начале и в середине XVIII века. К такому выводу приходит Е. И. Заозерская, определяя природу мануфактуры как кулеческую по господствующей форме собственности и как построенную на вольнонаёмном труде по форме эксплуатации.

Прежде всего надо отметить несопоставимость величин, приводимых Заозерской. Она сопоставляет число мануфактур на определённый момент 1760-х годов (650) с числом мануфактур, возникших с 1695 по 1725 г., т. е. на протяжении тридцати лет (200).

Иная получится картина, если взять число мануфактур на какой-либо год, лучше всего на последний год петровского царствования. Тогда окажется по данным того же списка, составленного Е. И. Заозерской, что из 200 мануфактур, основанных при Петре I, и из 21 мануфактуры, основанной до него, 13 прекратили своё существование до 1725 г., 9 числятся бездействующими, а 32 отсутствуют сведения, что не позволяло определить, были ли эти мануфактуры в действительности в 1725 году.

Для определения числа мануфактур в 1725 г. мы не можем ограничиться простым исключением тех предприятий, которые прекратили своё существование или бездействовали или о которых нет сведений, подтверждающих то, что они к этому моменту были в числе действующих. Е. И. Заозерская, с одной стороны, включила в список ряд предприятий, называвшихся в петровское время мануфактурами, но фактически являвшихся, например, пиль-

ные мельницы, производство шёлка-сырца и др. С другой стороны, в этот список не попали судостроительные верфи — крупные мануфактуры того времени. Очищая и дополняя этот список при помощи данных по отдельным предприятиям, получаем общее число мануфактур для 1725 г. равным не 200, а лишь примерно 130.

Для 1760-х годов число мануфактур, определяемое Е. И. Заозерской в 650, приближается к известной цифре П. Г. Любомирова в 700 мануфактур¹⁰. Эти цифры почти совпадают с произведённым мной расчётом числа мануфактур для 1760-х годов¹¹.

При сопоставлении данных о числе мануфактур в 1725 г. с данными для 1760 г. рост числа мануфактур в течение 35 лет определяется не в 3½, а более чем в 5½ раз. Это огромный рост, естественно, вызывающий вопрос, на какой же период приходится открытие наибольшего числа крупных предприятий, когда произошёл скачок в развитии мануфактуры.

Впервые в литературе ответ на этот вопрос дал акад. К. Герман, представивший, на основании ведомости Мануфактур-коллегии 1767 г., таблицу возникновения мануфактур по периодам¹².

Периоды	Число новых мануфактур
1727—1735	52
1736—1741	26
1742—1762	335
1763—1767	68

Эта таблица, показывающая наибольший рост числа предприятий в 40-е—50-е годы в 13 раз против 1736—1741 гг., нуждается в коррективе. Приведённые Германом итоги относятся к неравным по величине отрезкам времени, что делает их несопоставимыми. Для сопоставления этих итогов нужно исчислить для каждого периода среднее годовое число новых предприятий, разделив число новых предприятий каждого периода на число лет, им охватываемых:

Периоды	Среднегодовое число новых предприятий
1727—1735	5,8
1736—1741	4,3
1742—1762	16,0
1763—1767	13,6

¹⁰ См. Энциклопедический словарь Гранат. Т. 36. Ч. III, стр. 706.

¹¹ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 199, № 385. Ч. I, тетр. I; Сборник Русского исторического общества (РИО). Т. X, стр. 368—369; Чулков М. «Историческое описание российской коммерции». Т. VI. Кн. III, стр. 591—697. М. 1786; «Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg». Т. VIII, p. 446. St. Pétersbourg. 1822, и другие источники.

¹² См. Hermann C. «Coup d'oeil sur l'état des manufactures en Russie et sur les principes de la Législation manufacturière depuis le seizième siècle jusqu'en 1814» («Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg»). Т. VIII. В таблице не вошли металлургические и металлообрабатывающие производства, подведомственные Берг-коллегии.

⁸ «Вопросы истории» № 12 за 1947 г., с. 73.

Там же, стр. 62.

При произведённом пересчёте на средне-годовые числа оказалось, что в 1742—1762 г. действительно имел место хотя и не столь бурный, как показал Герман, но всё же значительный рост числа предприятий по сравнению с предшествующими и последующими периодами. Следует также иметь в виду, что использованная Германом ведомость содержит данные о действовавших в 1767 г. предприятиях, с указанием года их возникновения. Сюда не вошли предприятия, ликвидированные до момента составления данных таблиц. Очевидно, в более ранние периоды было больше новых предприятий, впоследствии ликвидированных и потому не учтённых. Поэтому число новых предприятий, показанных для периодов 1727—1735 и 1736—1741 гг., оказывается преуменьшенным, а число мануфактур, возникших в годы, непосредственно предшествовавшие составлению ведомости (1763—1767), менее всего нуждается в коррективе. И всё же среднегодовое число мануфактур, возникших в 1763—1767 гг., оказывается ниже аналогичной цифры рекордного периода 1742—1762 годов. Вместе с тем резкий сравнительно с предшествующими 1736—1741 гг. подъём среднегодовой цифры строительства мануфактур в 1742—1762 гг. наводит на мысль, что максимальные показатели по отдельным годам относятся не к началу, а к середине или даже к концу данного периода.

Такое предположение подтверждается ведомостями Мануфактур-коллегии, составленными в начале 1770-х годов. Некоторые из них были опубликованы М. Чулковым¹³, другие, более полные, находятся в «Портфелях Миллера», хранящихся в Центральном государственном архиве древних актов.

Возьмём ведомости Мануфактур-коллегии и её конторы, составленные в 1773 г.,¹⁴ и сгруппируем мануфактуры на основе данных о годах их возникновения по десятилетиям. Тогда окажется, что в 40-е годы возникло 68 мануфактур, в 50-е — 125, в 60-е — 167. За первые три с половиной года 1770-х годов возникло 38 предприятий. Если сопоставить среднегодовое число новых мануфактур, возникших в два последние периода, то окажется, что в 60-е годы появилось в среднем за год 16,7 мануфактуры, а в 70-е — лишь 11. Ясно виден перелом, сдвиг в строительстве предприятий, подведомственных Мануфактур-коллегии, в 50-е годы и дальнейший рост в 60-е, с последующим понижением темпов строительства к 70-м годам.

50-е годы XVIII в. явились переломным моментом в строительстве предприятий на Урале, превратившемся в основной центр русской металлургии. За 1748—1751 гг. появилось лишь 5 новых предприятий, т. е. по 1/4 в год, а за 1752—1762 гг. возникло 55, т. е. по 5 предприятий в год, между тем как за последующие 11 лет, т. е. до начала Крестьянской войны 1773 г., возникло всего

17 предприятий, или несколько более 1,5 предприятия в год¹⁵.

50-е годы дали не только резкое количественное увеличение горнозаводских предприятий, но и увеличение объёма их продукции. Объём производства чугуна в России, на основе ведомости Берг-коллегии 1767 г.¹⁶, Семёнов исчислил огромной по тем временам цифрой в 9,6 млн. пудов¹⁷. Указанная цифра повторяется в конце прошлого века¹⁸, и она сохранялась неопровергнутой в литературе вплоть до нашего времени. Отсюда вытекало утверждение, что Россия второй половины XVIII в. давала по чугуну якобы больше половины мировой продукции¹⁹.

Акад. С. Г. Струмилин показал, что эта ставшая традиционной цифра грубо ошибочна: Семёнов, определяя объём выплавки чугуна, причитал к чугуну и всё железо в переводе на чугун²⁰. И, тем не менее, учитывая эту поправку, надо признать, что в результате заводского строительства, в особенности 1750-х, а также 1760-х годов, Россия заняла первое место в мире по производству чёрного металла и одно из первых мест по производству меди, удержав эти позиции до конца XVIII века²¹. Россия XVIII в. занимала выдающееся место в мировом экспорте железа. Клеймо «Старый соболь» ставившееся на уральском железе, хорошо знали за пределами нашей страны и особенно в Англии.

В те же, 50-е, годы явно начелся процесс перехода ряда предприятий к производству на массовый внутренний рынок. Казённые и некоторые частные заводы Урала обслуживали преимущественно спрос государства, и в первую очередь его военные надобности, большинство же уральских заводов работало на экспорт, и лишь немногие — на внутренний рынок. В других же районах лишь некоторые крупные заводы работали на казну и экспорт (оружейные заводы Тулы и Сестрорецка, петербургский и московский арсеналы и др.). Большинство же внеуральских металлургических и металлообрабатывающих заводов, про-

¹⁵ См. Кашинцев Д. «История металлургии Урала», стр. 113. М.-Л. 1939.

¹⁶ См. Чулков М. Указ. соч. Т. VI. Кн. II, стр. 547—617, 621—680.

¹⁷ См. Семёнов «Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год». Ч. III, стр. 330. СПб. 1859.

¹⁸ «Постоянная совещательная контора железозаводчиков и материалы для истории статистики железной промышленности России. Внешняя торговля и тариф», стр. 5. СПб. 1896.

¹⁹ См. Жданов В. «Довоенная мощь металлургической промышленности и её значение в экономике страны», стр. 3. М.-Л. 1925.

²⁰ См. Струмилин С. «Чёрная металлургия в России и в СССР. Технический процесс за 300 лет», стр. 174—175. М.-Л. 1935.

²¹ См. Кашинцев Д. Указ. соч. Т. I, стр. 139—140.

¹³ См. Чулков М. Указ. соч. Т. VI. Кн. III, стр. 591—697.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 199. № 385. Ч. I, тетр. I.

должая производство для государственных нужд, всё больше переходило к обслуживанию внутреннего рынка, выпуская мелко-сортное железо, чугунную посуду, железные орудия²². В 50-х годах произошёл не только резкий сдвиг и перелом в строительстве предприятий, объёме продукции, но и в переходе к обслуживанию внутреннего рынка.

Подавляющее большинство возникших в 50-х и 60-х годах предприятий принадлежало купцам²³. Несмотря на указ 12 марта 1752 г.²⁴, ограничивавший купеческие права в приобретении «людей и крестьян» к заводам, и указы 29 марта и 8 августа 1762 г.²⁵, вовсе лишавшие купцов этих прав.

Факт преобладания купеческой мануфактуры над дворянской можно считать доказанным и для начала, и для середины, и для конца XVIII века. Дворянская мануфактура никогда не занимала сколько-нибудь значительного места. И Н. Л. Рубинштейн и Е. И. Заозерская говорят о том, что дворянские мануфактуры составляли в 1760-х годах 16% общего числа мануфактур, отмечая при этом наличие среди дворянских мануфактур таких, которые фактически принадлежали крестьянам. По произведённому мной подсчёту, на основании данных опубликованной М. Чулковым ведомости и неопубликованных материалов Мануфактур-коллегии²⁶, число дворянских мануфактур в 1760—1770 гг., если исключить те из них, которые фактически принадлежали крестьянам, не превышает 10%.

Отсюда вытекает, между прочим, что крестьян — фактических владельцев мануфактур — было немного: около 30. Это составляет ничтожную величину сравнительно с торгующим крестьянством, численность которого измерялась многими тысячами. Поэтому неправ Н. Л. Рубинштейн, полагающий, что «крестьяне-фабриканты для середины XVIII в. — не менее характерная фигура, чем торгующие крестьяне»²⁷.

Итак, на протяжении XVIII в. и в особенности после передачи в частные руки мануфактур, состоявших в первой половине царствования Петра I в ведении казны, преобладающее значение имела купеческая мануфактура. Однако одни указания на то, что мануфактура являлась купеческой, ещё недостаточны для определения её капиталистического характера. Капиталисти-

ческий характер мануфактуры определяется не только и не столько тем, что она находится в руках буржуазии, а главным образом формой эксплуатации труда, ибо «в вопросе о развитии капитализма едва ли не наибольшее значение имеет степень распространения наёмного труда»²⁸, т. е. превращение рабочей силы в товар.

Определяя петровскую частную мануфактуру (за исключением вотчинной) как построенную на вольнонаёмном труде, Е. И. Заозерская исходила из момента найма рабочих, а не из складывавшихся после найма производственных отношений. Если же отойти от формально-юридического метода и обратиться к реальной действительности, то окажется, что «наём» раскольников, белгых, да и просто крестьян и посадских был в жизни петровской мануфактуры способом не купли-продажи рабочей силы, а закабаления личности рабочего предпринимателем. Многочисленные примеры подобной практики петровской мануфактуры содержит издание Историко-археологического института Академии наук СССР «Крепостная мануфактура».

Причиной такой практики был недостаток наёмных рабочих рук в крепостном хозяйстве. Эта же причина вызвала петровский указ 1721 г.²⁹, предоставлявший купцам наряду с дворянами право покупать деревни к предприятиям. По той же причине в послепетровское время были изданы указы 1736³⁰ и 1744 гг.³¹, прикреплявшие обученных рабочих навечно к предприятиям, разрешавшие покупать к предприятиям «людей и крестьян» и запрещавшие возвращение с предприятий белгых на места их прежнего жительства.

Е. И. Заозерская рассматривает эти указы как начало перехода от наёмного труда к принудительному. Такие мнения уже высказывались в литературе, и советской и дореволюционной. М. И. Туган-Барановский³² связывал переход к крепостной мануфактуре с петровским указом 18 января 1721 г., а М. В. Злотников³³ — с указом Анны Ивановны 7 января 1736 года. Таким образом, и автор «Русской фабрики» и Злотников связывали переход от вольнонаёмной мануфактуры к крепостной всецело с тем или другим законодательным актом.

Между тем дело обстояло как раз наоборот: эти указы законодательно оформляли стихийно происходившее уже задолго до них закрепощение, вызванное недостатком наёмной рабочей силы в условиях крепостного хозяйства. Это было законодательным оформлением наметившейся на протяжении первой трети XVIII в. тенденции в развитии мануфактуры, приводившей к закрепощению.

²² Ленин. Соч. Т. III, стр. 453.

²³ ПСЗ. Т. VI, № 3711.

²⁴ Там же. Т. IX, № 6858.

²⁵ Там же. Т. XII, №№ 8969 и 9004.

²⁶ См. Туган-Барановский М. «Русская фабрика в прошлом и настоящем», стр. 27: СПб. 1898.

²⁷ См. Злотников М. «К вопросу о формировании вольнонаёмного труда в крепостной России». «История пролетариата СССР» № 1 за 1930 г., стр. 156—157.

²² См. Кашинцев Д. Указ. соч. Т. I, стр. 136, 162—163.

²³ ЦГАДА, ф. 199, № 385. Ч. I, тетр. I; Чулков М. Указ. соч. Т. VI, Кн. II, стр. 547—617, 621—680; Т. VI, Кн. III, стр. 591—697; Кашинцев Д. Указ. соч., стр. 115—116.

²⁴ Полное собрание законов (ПСЗ). Т. XII, № 9954.

²⁵ ПСЗ. Т. XV, № 11490; Т. XVI, № 11638.

²⁶ ЦГАДА, ф. 199, № 385. Ч. I, Тетр. I; Чулков М. Указ. соч. Т. VI Кн. II, стр. 547—617, 621—680. Кн. III, стр. 591—697.

²⁷ «Учёные записки» Московского государственного университета, вып. 87. История СССР, стр. 111. М. 1946.

переходу к принудительному труду и расширению сферы его применения. Вот почему, исходя из важнейшего признака капитализма — применения наёмного труда, — нельзя рассматривать даже купеческую мануфактуру петровской эпохи как чисто капиталистическую: в ней вольнонаёмный труд переплетается с принудительным при тенденции последнего к преобладанию, а затем и к почти исключительному господству, что нашло своё оформление и закрепление в законодательстве 30-х и 40-х годов.

Таким образом, мануфактура в России 30-х и 40-х годов XVIII в. выступает как крепостническая: в ней преобладал принудительный труд³⁴. Однако уже в 50-е годы наблюдаются новые явления, новые черты в русской мануфактуре. В 1753 г. Мануфактур-коллегия, по предложению Сената, произвела обследование подведомственных ей предприятий. Обследование было предпринято для выяснения вопроса о том, как выполнялся указ 12 марта 1752 г.³⁵, установивший «препорцию», в которой разрешалось купцам покупать крестьян к предприятиям. В своём труде Д. Бабурин приводит данные по 159 предприятиям, непосредственно подчинённым Мануфактур-коллегии³⁶. Группируя приведённые Бабуриным данные, приходим к выводу, что на 63 предприятиях из 159 (почти 40% их общего числа) господствовала эксплуатация вольнонаёмного труда. Даже на тех предприятиях, где преобладал принудительный труд, всё же было занято некоторое число вольнонаёмных. Если же исключить из расчёта суконные мануфактуры, которые, являясь поставщиками для армии, находились в особом положении и обеспечивались рабочей силой в виде «приписных» и «отданных», то процент мануфактур с вольнонаёмным трудом повысится до 41.

Составленная 20 лет спустя ведомость Мануфактур-коллегии³⁷ содержит данные о форме эксплуатации труда по 424 предприятиям, т. е. число, в три раза большему по сравнению с ведомостью 1753 года.

Предприятия, основанные на вольнонаёмном труде, составляли в 1774 г. 36% общего числа предприятий Мануфактур-коллегии. Если же исключить из расчёта суконные мануфактуры, находившиеся, как и в 50-е годы, на особом по обеспечению рабочей силой положении, то этот процент повысится до 42, т. е. немного превысит ту же относительную величину для 50-х годов.

Анализ ведомостей показывает, что во всех случаях, где производство основывалось на вольнонаёмном труде, мы имеем дело с купеческой мануфактурой. Правда, и на дворянских мануфактурах тоже имело место применение вольнонаёмного труда, но лишь в дополнение к труду приписных (на-

пример, на «писчебумажной фабрике» Воронцова в Симбирском уезде) или купленных крестьян (на «писчебумажной фабрике» Василия Евреинова). Среди предприятий, применявших исключительно вольнонаёмный труд, нет ни одной дворянской мануфактуры: всё это купеческие. Из общего числа купеческих мануфактур в 1753 г. 63 из 134, а в 1774 г. 151 из 351, т. е. почти половина, эксплуатировали исключительно вольнонаёмный труд. Анализ ведомости 1753 г. показывает, что большинство купеческих мануфактур, основанных на вольнонаёмном труде, было учреждено в 40-е и 50-е годы. Из 13 полотнояных мануфактур, основанных на вольнонаёмном труде, лишь одна возникла в 30-е, 7 — в 40-е и 5 — в начале 50-х годов. Из 14 шелкоткацких мануфактур лишь одна возникла в 30-е годы, 9 — в 40-е и 4 — в начале 50-х годов.

Из этих цифр с полной определённостью вырисовывается изменение формы эксплуатации труда: распространение наряду с принудительным вольнонаёмного труда на купеческой мануфактуре, начиная с 40-х и 50-х годов.

Кто были эти вольнонаёмные рабочие? Материалы, относящиеся к началу 50-х годов, показывают, что среди них были оброчные крестьяне. К середине 60-х годов на купеческой мануфактуре наметился решительный перелом: к работе в основном стали привлекать оброчных крестьян — помещичьих, государственных, экономических, — а в 70-х годах купцы в ряде случаев отказывались от использования принудительного труда колодников. «Столь решительный отказ свидетельствует о том, что на рынке появилось достаточно дешёвой рабочей силы, использование которой теперь было выгоднее, нежели применение такого «дарового» труда. В это время на возникшем рынке... труда появляется в большом количестве оброчный крестьянин»³⁸. Массовое предложение рабочей силы оброчных крестьян для промышленности было следствием обширного и глубокого процесса расслоения, происходившего в сельском хозяйстве, в деревне, внутри крестьянства.

II

С описанным выше ростом промышленного производства происходит дальнейшее формирование промышленных центров, развивается производственная специализация районов, ведущая к усилению связи между ними в процессе обмена.

Растущая промышленность и промышленное, городское, дорожное, военное строительство требовали не только хлеба, мяса и прочего продовольствия, но также леса, шерсти, льна, пеньки, кожи и другого сырья сельскохозяйственного происхождения.

Значительно расширялся и внешний рынок. В растущем вывозе (в 1726 г. — 4,2 млн. руб., в 1749 г. — 6,8 млн. руб. и за трёхлетие — 1758—1760 — в среднем за год

³⁸ Бабурин Д. Указ. соч., стр. 316; см. также Пажитнов К. «Положение рабочего класса в России». Т. I, стр. 60—61. 2-е изд. 1924.

³⁴ См. «Крепостная мануфактура в России». Ч. IV. «Социальный состав рабочих первой половины XVIII века». Л. 1934.

³⁵ ПСЗ. Т. XIII, № 9954.

³⁶ Бабурин Д. «Очерки по истории Мануфактур-коллегии», стр. 220—251. М. 1939.

³⁷ ЦГАДА, ф. 199, № 385/1, тетр. I, стр. 6—13.

9,4 млн. руб.)³⁹ преобладающую роль играло сырьё сельскохозяйственного происхождения, в то время как хлеб, составляя незначительную часть (около 1%) стоимости экспорта, шёл преимущественно на внутренний рынок.

Возросший спрос на сельскохозяйственное сырьё и продовольствие вызвал общий рост продукции сельского хозяйства, абсолютное и относительное увеличение её товарной массы. Рост сельскохозяйственного производства в условиях господства феодального феодализма экстенсивного земледелия мог происходить лишь путём расширения посевной площади. Это расширение шло за счёт увеличения площади запашки в старых сельскохозяйственных районах и за счёт земельной колонизации окраин.

В старых сельскохозяйственных районах, среди которых преобладали нечернозёмные губернии (Московская, Владимирская, Смоленская, Тверская, Ярославская и др.), к середине XVIII в. исторически сложившейся системой земледелия в основном было трёхпольное паровое зерновое земледелие с посевом технических культур — льна и конопля. В центральных районах трёхполье вытесняло примитивные экстенсивные системы — передел и подсеку, преобладавшие ещё на севере, юге и юго-востоке. При господствовавших в феодальном земледелии системах обработки, расширение посевной площади в центральных районах шло с большим напряжением за счёт лугов и расчистки лесов, которые в значительной мере были уже распаханы⁴⁰. Сеперные, южные и юго-восточные окраины страны обладали тогда ещё большим резервом земель для обработки. Господствовавшие здесь экстенсивные системы земледелия требовали гораздо большей, чем при трёхполье, сельскохозяйственной территории.

В чернозёмных губерниях урожайность — показатель, в котором, по определению Ленина, суммируются все различия в хозяйственной организации, технике и пр.⁴¹. — была низкой по всем зерновым культурам⁴². Урожайность в нечернозёмном центре была не только низкой, но в 1760—1770 гг. имела тенденцию к дальнейшему понижению⁴³. Низкая плодородность и выпханность почв нечернозёмного центра обуславливали возможность земледелия лишь при правильном трёхполье с систематическим навозным удобрением и примене-

нием тяговой силы животного⁴⁴. Между тем животноводство — источник тяговой силы и навозного удобрения — было развито мало, а распашка лугов сокращала единственную в то время кормовую базу для животноводства. Недостаток пастбищ приводил к использованию паров под выгон, что препятствовало правильной обработке пара, имеющего в условиях нашей средней полосы огромное значение. Вместе с тем паровое поле не могло дать того количества кормов, какое давало пастбище, и поэтому не могло служить кормовой базой для животноводства, без развития которого нельзя было сохранить урожайность. Всё это привело к падению и без того низкой урожайности в нечернозёмной полосе, что потребовало дальнейшего расширения запашки.

Существенно отметить, что даже современники, говоря о росте земледелия, усматривали его отнюдь не в повышении урожайности, а в расширении посевных площадей, в том числе за счёт пастбищ⁴⁵, что неизбежно приводило к сокращению животноводства, а затем к падению урожайности и необходимости дальнейшего расширения запашки.

В условиях низкой и падающей урожайности потребность в постоянном расширении посевной площади не могла быть удовлетворена. Уже в 1760 г. дальнейшее расширение посевной площади в центральных районах за счёт лесов ограничивалось их межжеванием и некоторой охраной со стороны правительства⁴⁶. Истреблению лесов клался предел и потому, что их эксплуатация ввиду повышения спроса на строительные материалы и дрова становилась доходной статьёй⁴⁷.

Сокращение возможностей дальнейшего расширения паши за счёт лугов и лесов, при свойственной феодализму примитивной агротехнике, порождало крестьянское малоземелье. Оно развивалось как среди крестьян, состоявших на оброке, при котором вся или почти вся помещичья земля отдавалась им в надел, так тем более среди барщинных крестьян, когда какая-то часть земли (обычно около половины) находилась под барской запашкой.

Даже более обеспеченные землёй государственные, экономические и дворцовые крестьяне жаловались в наказах своим депутатам в екатерининской законодательной комиссии 1767 г. на земельную тесноту⁴⁸. О крестьянском малоземелье в центральных губерниях России говорили не только крестьяне; о том же свидетельствуют зна-

³⁹ См. Семёнов А. Указ. соч. Ч. III, стр. 25, 28, 36—37, 440—443, 463—475.

⁴⁰ См. «Труды Вольного Экономического общества». Ч. XI, стр. 101, 1769; Ч. XII, стр. 105, 1769. «Генеральное соображение по Тверской губернии, извлечённое из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783—1784 гг.», стр. 5. Тверь. 1873.

⁴¹ См. Ленин. Соч. Т. XII, стр. 272.

⁴² Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Музейное собрание 2930, л. 32; сб. РИО. Т. СХХIII, стр. 77, 113, 119.

⁴³ См. «Труды Вольного Экономического общества». Т. II, стр. 184, 209, 1766.

⁴⁴ См. Ляшенко П. «Крепостное сельское хозяйство России в XVIII в.». «Исторические записки». Т. XV за 1945 год.

⁴⁵ См. «Труды Вольного Экономического общества». Ч. XI, стр. 101, 105, за 1769 год; см. также «Генеральное соображение по Тверской губернии», стр. 5.

⁴⁶ ПСЗ. Т. XIV, № 10237; т. XV, № 11111, 11156; т. XVIII, № 13366.

⁴⁷ См. Болотов А. «О рублении, поправлении и заведении лесов». («Труды Вольного Экономического общества»). Ч. IV за 1766 год. Ч. V за 1767 год.)

⁴⁸ См. сб. РИО. Т. СХV, стр. 11, 16, 39.

менитый русский агроном того времени А. Т. Болотов⁴⁰ и даже Екатерина II⁴¹.

Земледелие не давало необходимых средств к существованию крестьянину нечернозёмной губернии. Денежный доход от земледелия покрывал лишь 40—50% денежного расходного бюджета тверских крестьян, которые «в зимнее особливо время все генерально занимают промыслами и рукоделиями»⁴². Образовывалось избыточное земледельческое население — явление, отмечавшееся современными наблюдателями⁴³. Развитие торгового земледелия вело к усилению процесса мобилизации земли деревенской верхушкой, с одной стороны, и ускоряло и обостряло обезземеление крестьянства — с другой.

При уравнительном распределении наделной земли действительное землепользование было неравномерным. Такую неравномерность усиливали различия в имущественном положении и доходах, что порождало расслоение крестьянства, углубляло классовые противоречия внутри него. О наличии этого процесса среди помещичьих крестьян в 1740—1770 гг. можно судить по материалам вотчинных инструкций и переписке. Эта переписка говорит о круговой поруке при выполнении феодальных повинностей крестьянами. Богатей должны оказывать «подмогу» беднякам, которые «после могут заплатить богатым», работая на них, «у них зарабатывать»⁴⁴.

Ещё дальше шёл в своей инструкции приказчику государственный деятель и наиболее видный дворянский историк XVIII в. — В. Н. Татищев. Он рекомендует неплатежеспособного оброчного крестьянина «отдать другому в батрак без заплаты (оплаты. — И. Б.), который будет платить за него подать и землею его владеть, а его ленивца будет иметь работником».

Помещики были весьма озабочены «разорением деревень», — той стороной процесса

расслоения крестьянства, которая пахотила выражение в появлении безземельных и малоземельных, т. е. бобылей, бедноты. Наблюдение за этими ненадёжными в отношении выполнения феодальных повинностей элементами помещик возлагал на «первостатейных»⁴⁵. «Первостатейные», богатеи использовали это положение, захватывая землю своих односельчан, заставляя их работать на себя и т. д. Таким образом, беднота, да и часть среднего крестьянства, оказывалась под тройным гнётом — помещика, феодально-крепостнического государства и кулака.

Ещё более неравномерным, чем среди помещичьих крестьян, было, как явствует из материалов 1750—1760 гг., землепользование среди дворцовых, экономических и государственных крестьян. Большая, сравнительно с другими категориями крестьян, возможность отчуждения земель обусловила среди государственных крестьян значительную неравномерность землепользования, при которой «один имеет земли с излишком, а другой с недостатком»⁴⁶.

На одном полюсе казённой деревни кристаллизуются кулацкие элементы: «мироеды», «мирособи»; они скупают участки у своих малоземельных односельчан, а то и попросту стогняют их с оброчных земель⁴⁷. На другом полюсе — лишившиеся своих жеребьев государственные крестьяне, которые либо массами «за... оскудением... ежегодно... отлучаются на разные работы по паспортам»⁴⁸, т. е. с разрешения волостных властей, либо превращаются в батраков или половников.

Мобилизация земель на одном полюсе и обезземеление на другом происходили и при подворном и при общинном землевладении и землепользовании. Община не была барьером против обезземеления. В условиях существовавшей в общине круговой поруки кулаки, приобретая власть и влияние на мирские дела, зачастую непропорционально большую часть платежей в пользу государства перелagали на малоземельных, затем они, доплачивая за «маломочных», превращали их в своих должников и в погашение долга забирали их земли.

Те из государственных крестьян, кто оказывался не в состоянии владеть своими земельными участками, а потому не мог платить и подушных денег, уступали, сдавали в аренду или продавали свои наделы другим крестьянам, которые должны были платить за них подушную⁴⁹; причём уступавший свой надел крестьянину зачастую даже нанимался работать на своей бывшей, ныне уступленной им земле. Так возникали классовые противоречия между бедняком или даже середняком и «нанимателем земли», эксплуатировавшим его труд. Бывало

⁴⁰ Инструкция П. Б. Шереметева. «Киевские университетские известия» за 1904 г., № 7, стр. 87 и сл.

⁴¹ «Русская старина». Кн. I за 1879 г., стр. 17.

⁴² См. сб. РИО. Т. СХХIII, стр. 312.

⁴³ Там же, стр. 113.

⁴⁴ См. сб. РИО. Т. IV, стр. 72; «Русская старина». Кн. I за 1879 г., стр. 19—20.

⁴⁰ См. «Труды Вольного Экономического общества». Ч. II, стр. 208 за 1766 г.; Шербагов. Соч. Т. I, стр. 480.

⁴¹ См. «Антидот (Противоядие). Полемическое сочинение Екатерины II, или разбор книги аббата Шаппа д'Отероша о России» («Осмнадцатый век»). Кн. IV, стр. 260).

⁴² См. «Генеральное соображение по Тверской губернии», стр. 20.

⁴³ См. «Труды Вольного Экономического общества». Ч. II, стр. 197. Ч. VII, стр. 75, 100. Ч. XI, стр. 113. Ч. XII, стр. 112. Ч. XVI, стр. 69.

⁴⁴ «Из переписки помещика с крестьянами во второй половине XVIII в. (письма, повеления, приказы Василия Ивановича Суворова, его супруги, управляющих и отписки крестьян своему помещику)» («Труды Владимирской учёной архивной комиссии»). Кн. VI, стр. 6, 1904.

⁴⁵ «Краткие экономические до деревни следующие записки, сочинения господина губернатора в Астрахане Василия Никитича Татищева 1742 года». «Временник Московского общества истории и древностей российских». Кн. XII, стр. 28. 1852.

и так, что «несостоятельному ко владению», за отсутствием арендатора или покупателя, приходилось забрасывать участок, самому же превращаться в половника, батрака или отправляться в отход, а то и в бега.

Процессу мобилизации земли немало содействовало ростовщичество. Так, в Олонекском крае «из давнего времени во всех округах» бедняки занимали у богатых крестьян и купцов хлеб и деньги «с условием, чтоб долг и проценты или заработать, или заплатить приобретаемую на промыслах дичью, зверьями и рыбою». Автор этого сообщения, правильно отмечая, что цена на все эти дары природы была весьма низка, этим обстоятельством объясняет, почему «остаются бедные вечными должниками богатых или их работниками и... принуждёнными уступать заимодавцам своих отработанных пахотных земель, лишаясь через то и последнего к пропитанию средства»⁶⁰.

Наряду с перераспределением земли внутри общины, вотчины, приводившим к сосредоточению земли у одних и обезземелению других, имела место также покупка земли и крестьян с землею и без земли за пределами общины, вотчины. Такие операции проводились не только государственными крестьянами, но и помещичьими, с согласия и на имя помещика⁶¹. Бывали случаи, когда крепостные крестьяне даже покупали на имя помещика целые населённые имения, как то было с крепостным графа П. Б. Шереметева Никифором Сезёмовым⁶².

Процесс расслоения крестьянства в наибольшей мере развернулся в нечернозёмных районах центра, где господствовало малоземелье, в условиях развития торгового земледелия и распространённости неземледельческих занятий и отходов крестьян. Крестьяне не только продавали продукцию своего хозяйства — хлеб, пеньку, лён, сало, скот, рыбу и пр., — но и скупали её в других крестьянских хозяйствах для перепродажи, в том числе и на дальние рынки. Крестьяне занимались разносным торгом по деревням в качестве коробейников, офеней, продававших ткани, мелкую галантерею, обувь. В городах крестьяне продавали продукты земледелия, животноводства, охоты и рыболовства не только в рядах на рынках, но также занимались разносным торгом, но и открывали лавки, где торговали тканям,

⁶⁰ Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Музейное собрание, 2930. Исторические примечания о древностях Олонекского края и о народах, там обитавших; Топографическое описание о городах и уездах олонекского наместничества, л. 53—54. Год не указан, но так как в тексте последним из годов упоминается 1784, то сочинение это написано после 1784 года.

⁶¹ См. указ 1 августа 1737 г. ПСЗ. Т. X, № 7339, п. 14.

⁶² См. Семеновский «Крестьяне в царствование Екатерины II». Т. I, стр. 341 — 347.

обувью, скобьём и прочими товарами «как европейскими, так и азиатскими»⁶³.

Купеческие депутаты в екатерининской законодательной комиссии 1767 г. жаловались, что крестьяне торгуют товарами, «им не подлежащими»⁶⁴. Это подтверждали также некоторые дворянские депутаты. Депутат от дворянства Галичского уезда, Юрий Лермонтов, свидетельствует, что «дворцовые, экономические и господские крестьяне, разжая по уездам, торгуют не только мелочными и крестьянского рукоделия товарами, но парчами и разными шёлковыми дорогими материями... другие живут по городам зиму и лето с семьями, берут на откуп торговые бани, постоялые дворы, прилавки, харчевни, торгуют всякими съестными и харчевыми припасами»⁶⁵.

Крестьяне в деревне развивали различные промыслы, вследствие чего в ряде деревень центральных районов промыслы играли даже большую роль в крестьянском хозяйстве, чем земледелие. Занимались они этими промыслами и в городах в качестве мелких производителей либо продавая свою рабочую силу предпринимателям из купцов, посадских и из крестьян.

В исследовании Н. М. Дружинина⁶⁶ приведены относящиеся ко второй половине XVIII в. данные о развитии промыслов государственных крестьян, о переработке этих промыслов в мастерские с применением наёмного труда и даже в мануфактуры.

Наиболее распространёнными были производство тканей и их окраска, выделка кожи, мыловарение. Кожевенное и деревообделочное производства нашли значительное распространение в казённых сёлах Нижегородской губернии — Работки, Мурашкино, Княгинино и др.; тканё полотен и резба по дереву — среди государственных крестьян Архангельского уезда⁶⁷. Государственные крестьяне вступали в промысловые товарищества с купцами и посадскими, вкладывая при этом капитал до 500 руб., т. е. сумму, превышавшую даже

⁶³ Сб. РИО. Т. VIII, стр. 177 за 1871 год.

⁶⁴ Там же, стр. 112.

⁶⁵ Там же, стр. 328.

⁶⁶ См. Дружинин Н. «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселёва». Т. I, стр. 70—73. М.-Л. 1946.

⁶⁷ См. «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта, Ив. Лепёхина», 1768 и 1769 гг. Ч. I, стр. 90—91. СПб. 1771. Ч. IV, стр. 19—20, 240—241. 1805; Георги «О побочных крестьянских работах» («Продолжение трудов «Вольного Экономического общества» за 1789 г., стр. 100—172); Рычков Н. «Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям российского государства 1769 и 1770 гг.», стр. 42—43. СПб. 1770; Бочкарёв «Экономический строй и социальная структура Нижегородского края середины XVIII в.». «Труды Нижегородского научного общества по изучению местного края». Т. I за 1926 г., стр. 17—20, 25—27; «Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX в.». М.-Л. 1935.

установленный минимум в 300 руб. для записи крестьянина в купечество⁶⁵.

В помещичьих вотчинах центральных губерний крестьянские промыслы получили огромное распространение и иногда даже перерастали в мануфактуру, несмотря на постоянные ограничения. Достаточно указать на знаменитые промышленные сёла Нижегородского края — Иваново, Павлово, Ворсма, — принадлежавшие графам Шереметевым. В Ворсме крепостным крестьянам Шереметевых принадлежали 2 мыловаренных и один кожевенный заводы, в Павлове — 2 мыловаренных и 15 кожевенных; в Иваново в 1751 г. были заведены 2 ткацкие «фабрики». Из них одна, станов на 100, принадлежала крепостному Григорию Бутримову, который по своему богатству занимал видное положение. Вторая «фабрика» на 103 стана принадлежала другому шереметевскому крепостному — Ивану Грачёву. Сообщая эти сведения из «Памятной книги А. Ф. Полушина», сын его, Н. А. Полушин, писал: «Грачёв, Бутримов, равно и все последующие пионеры фабричной и торговой деятельности... края были крестьяне гр. Шереметева»⁶⁶.

Любопытное дело, характеризующее размах хозяйственных операций некоторых оброчных крестьян, обнаружено мной в фамильном архиве Голицыных⁶⁷. В июне 1773 г. двое голицынских крепостных — Яков Никифоров⁶⁸ и Пётр Яковлев⁶⁹ — обратились в коллегию иностранных дел с доношением о том, что шведский посланник в Петербурге, барон Рибинг, задолжал первому по счёту 510 руб., а второму по векселю⁷⁰ — 432 рубля. Деньги по тем временам, принимая во внимание тогдашний уровень цен, немалые. Узнав, что «помянутый посланник отправляется в своё отечество», Никифоров и Яковлев просят (в отдельных заявлениях точественного содержания) «означенному шведскому посланнику Рибингу пока он в означенной претензии меня не удовлетворит, то для отъезда из оной коллегии паспорта не давать»⁷¹.

Уже в 50-х годах XVIII в. в деревне отчётливо выметился процесс дифференциации крестьянства по имущественному поло-

⁶⁵ ПСЗ. Т. XII, № 9372. Указ 13 февраля 1747 года.

⁶⁶ «Русский архив» № 6. Кн. II за 1898 г., стр. 177—178. Н. А. Полушин замечает, что «хлебопашество и вообще сельское хозяйство ивановцев было далеко не в цветущем состоянии: этот умный и предприимчивый народ был плохой пахарь»; см. также Степанов А. «Бумажная фабрика шереметевских крепостных Тороповых»; его же «Крестьяне-фабриканты Грачёвы». Государственный русский музей. Записки историко-бытового отдела. Т. I. Л. 1928.

⁶⁷ ЦГАДА, ф. Голицыных, № 231.

⁶⁸ Там же, л. 3.

⁶⁹ Там же, л. 2.

⁷⁰ Крестьяне не имели права быть векселедателями, но им не воспрещалось выступать в качестве векселедержателей.

⁷¹ ЦГАДА, ф. Голицыных, № 231, л. 2, 3.

жению и доходам. Это нашло отражение в дифференциации ставок оброка, особенно в центральной нечернозёмной полосе. Обычная ставка оброка составляла в 1760-х гг. 1 р. 50 к. и в 1770-х гг. — 2 р. 50 к. Учитывая рост цен на рожь за это время, можно считать, что в натуральном выражении оброк составлял в 1760-х гг. несколько более одной четверти ржи, а в 1770-х — полторы четверти⁷². При этих обычных ставках оброка помещики брали со своих крестьян, записавшихся в купечество, до 20 руб. оброка⁷³.

В известном промышленном селе Павлове, принадлежавшем графу Шереметеву, крестьяне числом 3360 душ мужского пола платили в начале 1770-х гг. оброк в сумме 15 тыс. руб., т. е. в среднем около 4½ руб., что почти вдвое превышало обычную ставку оброка. Такое превышение получалось вследствие дифференциации оброчных платежей, которые распределялись непропорционально количеству получаемой в надел земли. Платежи назначались, по свидетельству Георги, соответственно доходу и зажиточности, определявшимся в основном неземледельческими занятиями крестьян. «Некоторые крестьяне вносили по 100, иные даже по 200 руб.»⁷⁴, т. е. суммы, в десятки раз превышавшие обычную ставку оброка.

Подобно-имущественная дифференциация, будучи первым и наиболее осязательным проявлением расслоения крестьянства, отнюдь не исчерпывает содержания этого процесса. Это был процесс разложения крестьянства как класса — сословия феодального общества — на группы с антагонистическими классовыми интересами.

В середине XVIII в. внутри крестьянства — помещичьего, дворянского, государственно-го — ясно вырисовываются группы с антагонистическими интересами. На одном полюсе — хозяйственные мужички, перво-статейные богатеи, мирососы, мироеды; на другом — малоземельные, бобыли, бедняки, безземельные. Между ними — крестьянство средней руки. Расслоение крестьянства происходило не только на основе поземельных отношений. Оно происходило, и притом гораздо сильнее, также и в результате занятий крестьян промыслами и торговлей, вступления в откупа и подряды, распространения мастерских с наёмным трудом и появления мануфактур, принадлежащих крестьянам, эксплуатировавшим труд других крестьян.

Развитие неземледельческих занятий крестьян и соответственно расслоение крестьянства меньше торжесились оброчной формой феодальной ренты, нежели барщиной. Захватывая большую, чем при оброке, часть необходимого времени крестьян, барщина резко препятствовала развитию неземледельческих занятий, игравших значительную роль в росте товарно-денежных

⁷² Семейский В. «Крестьяне в царствование Екатерины II». Т. I, стр. 53, 593—595.

⁷³ См. сб. РИО. Т. XIV, стр. 140—141, 331—332.

⁷⁴ Georgi «Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich». Bd. II, S. 833—835. S.-Petersburg. 1775.

отношений и улучшении материального положения крестьян, в развитии производительных сил и рынка для сбыта продукции сельского хозяйства и промышленности.

Рост товарно-денежных связей, развитие промыслов и торговли, эксплуатация труда односельчан разлагали свойственные феодальной общине натуральное хозяйство и социальное равенство и вели к созданию отношений нового типа.

Тенденция перерастания этих отношений в капиталистические тормозилась господством феодально-крепостного строя не только при барщине, но и при оброке. Однако феодально-крепостнический строй не мог приостановить процесс своего разложения и вызревание капиталистических отношений, формирующих внутри него капиталистический уклад.

Здесь следует различать эти отношения по их типам. Появление крепостных, владевших землёй и крепостными, разлагало феодальный строй деревни со свойственными этому строю натурально-хозяйственными чертами и недифференцированностью крестьянской массы. Однако это не было ещё зарождением внутри него нового уклада — капиталистического, при котором «перед нами, с одной стороны, владелец средств производства, с другой — наёмный рабочий, продавец рабочей силы»⁷⁹.

Иное дело — крестьянин, нанимающий других крестьян на сельскохозяйственные работы, или крестьянин, выступающий как предприниматель в промышленности. Крепостные владельцы промышленных предприятий эксплуатировали труд вольнонаёмных рабочих. Пусть последние были по большей части крепостными, отпущенными на оброк помещиком. В отношении предпринимателя они выступали в качестве наёмных рабочих. Крепостные предприниматели ещё не были капиталистами, свободно распоряжающимися своими капиталами. Оброчники-рабочие ещё не были пролетариями капитализма, собственниками своей рабочей силы, свободными и от феодальных пут и от средств производства. Но это был уже прообраз новых отношений, приближавшихся к капиталистическим.

Оба типа отношений — и крепостной владелец земли, эксплуатирующий принудительный труд крепостных, и крепостной, эксплуатирующий в своём земледельческом хозяйстве или промышленном предприятии, на мануфактуре, вольнонаёмный труд⁸⁰, — были далеки от прежнего, «классического типа» крестьян земельной общины с натуральным производством, уравнительностью и отсутствием внутри неё антагонистических отношений, как рисовалась община XVIII в. историкам и экономистам народнического

толка. Оба типа эксплуататоров представляли собой крайнее, в пределах крепостнического общества, развитие классовой дифференциации и антагонизмов, взрывающих общину. Однако лишь второй тип являлся прообразом капиталистического отношения.

Что касается отходоков, то они были и земледельческими и неземледельческими. В первом случае отходники направлялись на юг и юго-восток, в чернозёмные места, в районы земледельческой колонизации. Там, особенно в страдную пору, была острая нехватка рабочих рук и соответственно более высокая, чем в старых сельскохозяйственных районах, оплата труда. Шербаков отмечает, что в Белгородской губернии отдавали «приходящими из Московской губернии» за уборку урожая «четверть жатвы»⁸¹. Чем южнее, тем острее была нехватка рабочих рук, тем выше была оплата. Помещики Изюмской провинции, Слободской губернии сообщали, что у них нанимающийся на уборку урожая «вырабатывает третьей сною»⁸². На недостаток рабочих рук и дороговизну жаловались не только помещики Слободской Украины, но и Оренбургской губернии⁸³.

Из районов, где было исключительно развито либо резко преобладало сельское хозяйство, при наличии избыточного земледельческого населения развивался отход для найма на сельскохозяйственные работы. Так, крестьяне рязанских мест отходили «по другим губерниям, а особливо в степные места и на Дон»⁸⁴.

Из районов, где были развиты и сельское хозяйство и промыслы, как в Московской губернии, крестьяне шли и в земледельческий и в неземледельческий отход. Крестьяне Московской губернии уходили в земледельческий отход, в особенности на юг⁸⁵, в периоды полевых работ, не совпадающие с аналогичными периодами в Центральной России. Характерно, что в районах, где были развиты и сельское хозяйство и промыслы, в земледельческий отход направлялись преимущественно женщины. Болотов в своих ответах на анкету Вольного Экономического общества по Каширскому уезду сообщает, что отсюда на полевые работы в степные места направлялись главным образом женщины, а осенью туда, за сотни вёрст, отправлялись их мужья с телегами для того, чтобы забрать хлеб, полученный в виде натуральной оплаты их жёнами в весенние и летние месяцы. Мужчины же занимались промысловым отходом. В качестве типичных представителей отхожего промысла для Каширского уезда Болотов называет плотников, квалифицированных

⁸¹ Шербаков. Соч. Т. I, стр. 632.

⁸² «Труды Вольного Экономического общества». Ч. VIII за 1768 г., стр. 129.

⁸³ Там же. Ч. VI за 1767 г., стр. 7.

⁸⁴ Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Музейное собрание 4852. Топографическое описание Рязанского наместничества, л. 22. См. также лл. 11, 42, 89. Рукопись относится к 1784 г., так как в ней упоминается о «прошлом 1783 годе» (л. 3).

⁸⁵ См. Шербаков. Соч. Т. I, стр. 633.

⁷⁹ Ленин. Соч. Т. III, стр. 18.

⁸⁰ Зачастую в промышленном центре обе формы эксплуатации вольнонаёмного труда, и в сельском хозяйстве и в промышленности, на мануфактуре объединялись в лице одного и того же предпринимателя. См. Драксхруст Е. «Расслоение крепостного крестьянства в оброчной вотчине XVIII в.». «Исторические записки» № 4 за 1938 год.

рабочих парусиновых и кожевенных заводов, неквалифицированных рабочих, которые «нанимаются во всякую работу»⁸⁶.

Рассматривая отходы с точки зрения развития капиталистических отношений, нужно различать два вида отхода: когда крестьянин становился ремесленником и мелким товаропроизводителем и когда он шёл в наём на сельскохозяйственные работы и в промышленность.

Все виды отхода разлагали натурально-хозяйственную основу феодально-крепостного строя. Однако отходы в качестве ремесленника и мелкого товаропроизводителя представляли собой лишь среду для развития капиталистических отношений, но сами по себе ещё таковыми не были. Отход же в наём в земледелие вёл к применению вольнонаёмного труда — «главному проявлению земледельческого капитализма»⁸⁷, а на вольнонаёмном труде отходников выростала в рамках феодально-крепостного строя промышленность капиталистического типа, купеческая и крестьянская мануфактура.

Отходник, шедший в наём, не был, понятно, пролетарием капиталистического строя, свободным и юридически и от средств производства. Будучи помещичьим крестьянином, он находился в крепостной зависимости от помещика, а будучи государственным крестьянином, находился в феодальной зависимости от государственной власти. Это был крепостной или феодально-зависимый, обладавший в большинстве случаев небольшим земельным наделом. Но в отношении предпринимателя в промышленности и в земледелии отходник выступал как вольнонаёмный. Наличие же вольного найма представляет собой самый существенный элемент в формировании капиталистических отношений, в развитии капиталистического уклада.

Глубочайшей основой развития капиталистического уклада в промышленности, как и во всей экономике страны, были сельское хозяйство, деревня, крестьянство. Формирование капиталистических отношений в системе, в капиталистический уклад, развивавшийся внутри крепостного строя, происходит начиная с конца 40-х — начала 50-х годов XVIII в. на протяжении второй его половины.

Происходившее в связи с ростом капиталистического уклада внутри крепостного строя разложение последнего нашло выражение в волнениях крестьян и «рабочих людей» и в особенности в грандиозной крестьянской войне под водительством Пугачёва.

Однако нет оснований утверждать, как это делает проф. Н. Л. Рубинштейн, что во второй половине XVIII в. перед нами раскрывается начало кризиса крепостной системы⁸⁸. Разложение крепостного хозяйства и развитие внутри него капиталистических отношений, формирующих капиталистиче-

ский уклад, ещё не означают начала кризиса крепостной системы. Кризис крепостной системы означает неразрешимость её противоречий ни на собственной основе, ни путём стихийного перехода к капитализму⁹⁰.

Во второй половине XVIII в. происходило не замещение крепостнической системы капиталистической, а развитие капиталистических элементов наряду с крепостнической системой, в условиях её господства и дальнейшего роста и в сельском хозяйстве и в промышленности. Как известно, именно на вторую половину XVIII столетия приходится кульминационный пункт в развитии крепостного строя в России.

Ошибка проф. Н. Л. Рубинштейна заключается в отождествлении разложения крепостной системы с началом её кризиса, наступающего значительно позднее, лишь во второй четверти XIX в., когда появляются указанные выше характерные черты кризисного состояния крепостной экономики. Во второй же половине XVIII в. имело место разложение крепостного строя, рост внутри него капиталистического уклада, что представляет собой не начало, а лишь предпосылки кризиса крепостной системы.

III

Появление начиная с 1760-х годов ряда описаний, исследований, проектов, предложений по экономическим вопросам, отмечаемое Н. Л. Рубинштейном, несомненно, отражало «напряжённость экономического развития». Прав Н. Л. Рубинштейн и в том, что разложение крепостной системы и складывающийся в её недрах капиталистический уклад нашли своё отражение в виде «определённых сдвигов и в самой системе теоретических взглядов, в развитии экономической мысли»⁹¹. Но в своём анализе этих идейных сдвигов Н. Л. Рубинштейн допускает неточности и ошибки.

Он неправ, рассматривая как наиболее характерное течение экономической мысли в России второй половины XVIII в. «зарождение русского физиократизма, идущего на смену меркантилизму»⁹², а взгляды князя М. М. Щербатова — как яркое выражение русского физиократизма. Щербатов не воспринял, да и не мог воспринять буржуазно-прогрессивной сущности физиократизма, который был, по существу, «выражением нового капиталистического общества, прибавляющего себе дорогу в рамках феодализма»⁹³. Ведь и Екатерина II, которая резко отрицательно отзывалась о физиократах,

⁸⁶ «Труды Вольного Экономического общества». Ч. II за 1766 г., стр. 198.

⁸⁷ Ленин. Соч. Т. III, стр. 176.

⁸⁸ «Учёные записки» Московского государственного университета. Вып. 87, стр. 124.

⁹⁰ См. Вознесенский С. «Разложение крепостного хозяйства и классовая борьба в России в 1800—1860 гг. Очерки», стр. 171—196. М. 1932. Цаголов Н. «Некоторые вопросы кризиса крепостного хозяйства в России» («Известия Академии наук СССР», Отделение экономики и права. № 1 за 1946 год.

⁹¹ «Учёные записки» Московского государственного университета. Вып. 87, стр. 124.

⁹² Там же.

⁹³ К. Маркс «Теория прибавочной стоимости». Т. I, стр. 42. 1932.

называя их «чертями, крикунами, желающими поучать» её⁹⁴ и т. д., вместе с тем использовала отдельные, выгодные ей физиократические положения. Подобно Екатерине II Шербагов, когда это соответствовало его интересам, выдвигал отдельные идеи, цитировал отдельные высказывания физиократов, не будучи сам физиократом.

Единственным русским писателем, защищавшим идеи физиократов и систематически изложившим их учение, был посол в Париже, а потом в Гааге — князь Дмитрий Алексеевич Голицын⁹⁵. Но его интерпретация физиократизма как опоры алтаря, трона, собственности и отрицание связи физиократизма с экономической идеологией и политикой французской буржуазной революции 1789—1793 гг. говорили о непоследовательности и внутренней противоречивости взглядов Голицына. Отражая нарастание в рамках феодально-крепостного строя тенденции развития капиталистического уклада, Голицын стремился в гораздо большей мере, чем Шербагов, дать простор этому развитию, но направить его, подобно Шербагову, в интересах своего, дворянско-помещичьего класса.

Физиократизм, как течения экономической мысли, в России не было. Внимание к вопросам экономики и организации сельского хозяйства, интерес к крестьянскому вопросу нельзя ещё рассматривать как проявление физиократизма. И то и другое было реакцией на начавшееся разложение крепостного хозяйства, связанное с развитием в нём капиталистического уклада.

Дворянские идеологи стремились путём организации и рационализации помещичьего хозяйства приспособиться к изменяющейся обстановке, вернее, овладеть ею в своих интересах. Таковы цели и задачи сочинений Рычкова, Болотова, Шербатова, Комова, Самборского, Полторацкого и др.⁹⁶

Другие дворянские идеологи ставили вопрос о необходимой мере уступок крестьянству для сохранения основы — феодально-крепостного строя. Среди них в качестве сторонника предельной меры уступок выделяется Д. А. Голицын.

Из среды дворянства выходила также и те, кто, по выражению Плеханова, «в значительной степени покинул дворянскую точку зрения»⁹⁷. Речь идёт о Поленове, Коробьине, Козельском⁹⁸, выступавших в защиту интересов народных масс, крестьянства, объективно отстаивавших, хотя с оговорка-

ми и ограничениями, развитие капиталистического уклада.

В ещё большей мере выразителем интересов крестьянства и буржуазного развития выступил в екатерининской законодательной комиссии 1767 г. депутат Белгородской провинции от однодворцев, Андрей Маслов⁹⁹.

Нельзя ограничиться, как это делает Н. Л. Рубинштейн, только замечанием, что такие мыслители и деятели, как Поленов, Коробьин, Козельский, Маслов, примыкают к Радищеву¹⁰⁰. Между позициями этих мыслителей и Радищева имеется глубочайшее принципиальное различие: Радищев был первым, кто сделал из критики крепостничества и самодержавия революционный вывод. Радищев выступает в качестве идеолога, выражающего в наиболее сильной степени, в резкой, яркой форме революционный протест против крепостного строя и революционное утверждение буржуазного развития. «Идейное движение... свидетельствует о том, что глубоко внизу происходит брожение. Умы всегда связаны невидимыми нитями с телом народа»¹⁰¹.

Все эти выступления либо в виде дворянской реакции на рост буржуазного уклада либо в защите этого уклада вплоть до его революционного утверждения отражали происходившие уже несколько ранее сдвиги в экономическом развитии.

Борьба идей вокруг вопроса о развитии капиталистического уклада, развернувшаяся с 60-х годов XVIII в., показывает, что самое это развитие началось несколько ранее. Это дополнительный аргумент в защиту мнения о развитии капиталистического уклада в рамках феодально-крепостного хозяйства России с 50-х годов XVIII века.

IV

Для определения момента начала развития капиталистического уклада известное значение имеет и анализ экономической политики. Изменения в её курсе, оказывая влияние на направление развития народного хозяйства, вместе с тем отражают происходящие в нём изменения.

При преемниках Петра I меркантилистская политика из способа развития отечественных производительных сил и рынка превращается в средство взвешивания цен, расхищения казны и препятствия промышленному предпринимательству — дворян, купцов и небольшой части крестьян из среды деревенской верхушки. Развитие торгового оборота стеснялось внутренними таможенными пошлинами и дорожными сборами.

Под влиянием требований дворянства и купечества и экономических соображений феодально-абсолютнистской государственной власти, с 1754 г. отменяются внутренние таможенные пошлины и многие дорожные сборы¹⁰². Однако попрежнему сохраняется

⁹⁹ См. сб. РИО. Т. XXXII, стр. 513—517.

¹⁰⁰ См. «Учёные записки» Московского государственного университета. Вып. 87, стр. 125.

¹⁰¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 88.

¹⁰² ПСЗ. Т. XIII, № 10164.

⁹⁴ См. сб. РИО. Т. XXIII, стр. 674.

⁹⁵ ЦГАДА, ф. Голицыных, д. 1111—1125. См. также двухтомное сочинение Д. А. Голицына на фр. яз. «О духе экономистов, или экономисты, оправданные от обвинения в том, что их принципы легли в основу Французской революции». Брауншвейг. 1796.

⁹⁶ См. Бак И. «Возникновение русской сельскохозяйственной экономики» «Социалистическое сельское хозяйство» № 9 за 1945 год; его же «Экономические воззрения П. И. Рычкова». «Исторические записки», Т. XVI за 1945 год.

⁹⁷ Плеханов Г. Соч. Т. XX, стр. 262.

⁹⁸ «Вопросы истории» № 1 за 1947 г., стр. 83—100.

система исключительных привилегий, монополий и откупов.

Лишь в самом конце елизаветинского царствования намечается поворот экономической политики к либерализму. Появляется ряд «мнений», «проектов», «записок», выражающих отрицательное отношение широких слоёв дворянства и купечества к откупам и монополиям. Составляется проект указа Сенату об уничтожении ряда откупов и монополий, «кои распространению торгов вредны»¹⁰³.

Из мнений, поданных в 1760 г., наибольший интерес представляет письмо конференции-секретаря Д. В. Волкова к графу И. Г. Чернышёву сразу по назначении последнего президентом комиссии о коммерции¹⁰⁴. Идеи Волкова совпадали с основными положениями известного указа Петра III от 28 марта 1762 г., где предписывалось «всякому торгу свободу быть»¹⁰⁵, провозглашались принципы, подобные тем, которые легли в основу екатерининского законодательства.

Продолжая уже ранее намечившуюся линию экономической политики, екатерининское правительство рядом законодательных актов уничтожило систему откупов и монополий. Однако Екатерина II подтвердила и сохранила для дворян исключительное право винокурения, в котором дворянство было весьма заинтересовано.

Объявленная екатерининским правительством «беспредельная свобода» промышленной и торговой деятельности не походила на свободу в том смысле, как её понимали фритредеры. Отменяя, да и то не все, исключительные привилегии, Екатерина II сохраняла общие для всех промышленников и торговцев ограничения, запрещения и поощрения, в том числе покровительственные внешнеторговые тарифы. Наконец, различные предпринимательских прав дворян и купцов, главным образом в отношении эксплуатации принудительного труда, противоречило «безграничной свободе» предпринимательства, которая вообще неосуществима в условиях феодального строя.

Однако и в таком виде «свобода» предпринимательства была шагом вперёд в крепостнической России. После отмены исключительных привилегий русская промышленность развивалась в большей степени, чем при существовании привилегий. По расчётам Бурнашева, из числа действовавших в середине 1790-х годов мануфактур (кроме

горных) более двух третей были учреждены в царствование Екатерины II, при частичной, а затем и полной отмене системы исключительных привилегий и детальной регламентации¹⁰⁶.

В этом развитии промышленности дворянская мануфактура, монополизировавшая эксплуатацию принудительного труда, не получила всё же сколько-нибудь решающего значения. Даже в период высшего развития дворянской мануфактуры, по данным начала 1770-х годов¹⁰⁷, купеческая мануфактура, всё более переходившая к эксплуатации вольнонаёмного труда, по стоимости производства и особенно по числу предприятий значительно превышала дворянскую.

В науке стало традиционным мнение, что поворот русской экономической политики к либерализму произошёл при Екатерине II (Ключевский, Бильбасов и др.). Это мнение разделял в последнее время и акад. Ю. В. Готье, полагающий, что отмена промышленных монополий началась лишь в царствование Екатерины II¹⁰⁸. Многие историки и экономисты (Корсаков, Лодыженский, Витчевский, Вернер и др.) добавляли, что этот поворот произошёл под влиянием увлечения Екатерины II западноевропейскими экономическими идеями. В действительности же оказывается, что поворот начался ещё при Петре III и даже ещё ранее, в конце царствования Елизаветы. Он начался под влиянием роста буржуазного уклада, который купечество отстаивало, а дворянство стремилось приспособить к себе и одновременно ограничить права и возможности купечества.

Таким образом, снимаются взаимосвязанные вопросы о роли Екатерины II как творца нового курса в экономической политике и о сколько-нибудь решающей роли западноевропейских экономических идей в повороте русской экономической политики к либерализму. Этот поворот произошёл под влиянием изменений во внутреннем развитии в 50-е годы XVIII в., когда капиталистические отношения в недрах феодального хозяйства складывались в систему, формировались как капиталистический уклад.

¹⁰⁶ См. В. Б.—шев «Очерк истории мануфактур в России», стр. 16—17, 26—29. СПб. 1833.

¹⁰⁷ ЦГАДА, ф. 199, д. № 385. Ч. I, тетр. I; Чулков М. «Историческое описание российской коммерции». Т. VI, стр. 591—697.

¹⁰⁸ См. «История СССР». Т. I. С древнейших времён до конца XVIII века, под ред. акад. Б. Д. Грекова, чл.-корр. АН СССР С. В. Бахрушина и проф. В. И. Лебедева, стр. 643. 1947.

¹⁰³ См. «История Правительствующего Сената за двести лет, 1711—1911». Т. II, стр. 303. СПб. 1911.

¹⁰⁴ См. архив князя Воронцова. Кн. 24. М. 1880.

¹⁰⁵ ПСЗ. Т. XV, № 11489.